

УДК 343.13(045)

*В.В. Колесник***СВОБОДА ЛИЦ ОТ САМОИЗОБЛИЧЕНИЯ КАК ПРИНЦИП
ДОГОВОРНОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

Статья посвящена выяснению принципиальной основы новой подотрасли российского уголовно-процессуального права – договорного уголовно-процессуального права. Ее целями являются, во-первых, обоснование вхождения в систему принципов договорного уголовного судопроизводства обеспечения свободы от самоизобличения, во-вторых, определение содержания данного принципа во взаимосвязях с принципами договорного ряда: диспозитивностью, целесообразностью и другими. Использовались основные методы юридического познания, в том числе дедукция, индукция, анализ. Кроме того, в качестве специальных приемов познания использовались аналогия, сравнительный анализ, рецепция. В результате исследования была развита авторская концепция договорного уголовно-процессуального права в его принципиальной составляющей. Было также установлено значение обеспечения свободы лица от самоизобличения во всех уголовно-процессуальных производствах договорного характера. Автором статьи излагается трактовка свободы от самоизобличения применительно к каждому из трех видов выделенных им договорных уголовно-процессуальных производств. Предложено усилить процессуальные гарантии прав лица, заключающего соглашение с органом, ведущим в отношении него уголовное дело. Полученные автором статьи результаты могут быть использованы при развитии концепции договорного уголовно-процессуального права, а также при совершенствовании и унификации законодательства, регулирующего договорные уголовно-процессуальные производства.

Ключевые слова: договорное уголовно-процессуальное право, свобода от самоизобличения, принципы, договор, обвинение, доказывание, правоотношения.

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-4-680-685

Развитие современного российского уголовно-процессуального права привело к появлению такого явления, как совокупность упрощенных или ускоренных производств по бесспорным уголовным делам, в основе которых лежит соглашение – договор сторон. Этот договор выступает, с одной стороны, дополнительным фактообразующим инструментом – им может преобразовываться основание уголовной ответственности, которую соглашается нести обвиняемый, действительно совершивший преступление. С другой стороны, в данном договоре обвиняемый дает согласие на реализацию в отношении него смягченной уголовной ответственности в особой, ускоренно-упрощенной уголовно-процессуальной форме.

К уголовно-процессуальным производствам, о которых здесь идет речь, мы относим процедуры, предусмотренные главами 32.1, 40, 40.1, 51.1 УПК РФ, а также статьями 25, 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, 28, 28.1, 427 УПК РФ.

По мнению многих исследователей, которое мы также разделяем, в основе всех приведенных уголовно-процессуальных производств лежит договор (соглашение), закрепляющий права и обязанности сторон уголовно-правового спора [1, с. 21 и след.; 2, с. 117; 3, с. 236-245; 4, с. 57]. Это позволяет говорить о некоем единстве, системе данных производств. Усматриваем договорную основу указанных процедур соглашения сторон по предмету обвинения, которое предопределяет перевод дела в особый – «упрощенный» режим или предопределяет самый исход его в виде или обвинительного приговора, или решения о применении альтернативной наказанию меры уголовно-правового воздействия.

На наш взгляд, их можно разделить на три группы. В первую группу следует включить производства о прекращении уголовных дел по так называемым «компенсаторно-штрафным» [5, с. 207–210], «согласительно-договорным» [6, с. 6–9] нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25, ст. 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ст. 28, 28.1, 427 УПК РФ. Их можно также квалифицировать как медиационные производства.

Вторую группу составляют процедуры, предусматривающие особый порядок вынесения обвинительного приговора, предусмотренный главой 40 УПК РФ, включая те из них, в которых с обвиняемым заключалось и реализовывалось досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке, закрепленном главой 40.1 УПК РФ.

И, наконец, в третью группу можно отнести нормы, входящие в главу 32.1 УПК РФ, которые регулируют дознание в сокращенной форме.

Перечисленные нормы и институты образуют подотрасль современного российского уголовно-процессуального права, имеющую свой объект и метод правового регулирования.

Договорное уголовно-процессуальное право можно определить как совокупность правовых норм, регулирующих процессуально-правовые обязательства сторон обвинения и защиты, других участников процесса, возникающие из различного вида договоров, заключаемых сторонами в деле в рамках разнообразных уголовно-процессуальных производств [7, с. 22]. Иными словами, договорное уголовно-процессуальное право – это совокупность правовых норм, относящихся к заключению и приведению в исполнение соглашений между сторонами в деле, а именно: между следственно-обвинительной властью, а также потерпевшим, и обвиняемым, его защитником, для достижения целей уголовного процесса.

Объектом регулирования договорного уголовно-процессуального права являются договорные и другие правоотношения, складывающиеся между участниками вышеуказанных производств. Как представляется, основным методом правового регулирования в этих производствах является диспозитивный метод.

В целом договорное уголовно-процессуальное право образует дополнительный к основному – общему порядку досудебного производства (в виде предварительного следствия и дознания) и судебного разбирательства, правовой механизм. Его действие ограничивается досудебными стадиями и производством по уголовному делу в суде первой инстанции.

В ходе проводимого нами исследования проблематики уголовно-процессуальных договорных производств [8, с. 141–147; 9, с. 42–48] мы пришли к выводу о наличии системы основополагающих идей, выражающих правовую сущность договорных уголовно-процессуальных производств, специфику метода договорного уголовно-процессуального права.

Полагаем, что принципиальное ядро договорных уголовно-процессуальных производств составляют принципы обвинения, целесообразности, диспозитивности, формальной истины. В данном случае следует присоединиться к точке зрения А.С. Александрова, который выделял перечисленные принципы в качестве альтернативы принципам, выражающим следственную уголовно-процессуальную идеологию [10, с. 162–175; 11, с. 19–22]. Он выделяет следующие оппозиции принципов, разной идеологической заряженности: а) публичность – диспозитивность; б) законность – целесообразность; в) объективная истина – формальная истина [10, с. 163–166].

В целом соглашаясь с этой точкой зрения, не вполне разделяем тезис о конкуренции двух указанных систем принципов, который имеет разрушительный смысл. На наш взгляд, правильнее говорить о дополнении как системном свойстве принципов, выражающих договорную идеологию по отношению к системе доминирующих принципов, определяющих сущность общего порядка уголовного судопроизводства. Принципы договорного ряда тяготеют к состязательной идеологии. Они не отрицают принципы, которые формируют сущность обычного порядка ведения уголовных дел, поскольку не распространяются на этот порядок. В целом же из сочетания принципов различной идеологической заряженности возникает баланс, необходимый для поддержания в состоянии уравниваемости судопроизводства смешанного типа, каковым является современный российский уголовный процесс.

В развитие тематики о принципиальной основе договорного уголовно-процессуального механизма нельзя не затронуть еще одну важную идею, которой пронизаны все договорные процедуры. Речь идет о свободе от самоизобличения лица, вступающего в договорные отношения с органом, ведущим уголовное дело. Данное правовое положение является элементом главной характеристики любого договора – добровольности вступления в него субъекта права. Свобода вступления обвиняемого в соглашение с органом, ведущим уголовное дело, с прокурором, невозможна без обеспечения его свободы от самоизобличения. Уже только поэтому данное правовое положение можно считать принципом договорного уголовно-процессуального права.

Между тем, обеспечению свободы от самоизобличения следует придавать и большее значение, а именно: принципа уголовного процесса. Так поступают многие ученые, трактующие свободу от самоизобличения в единстве с запретом на принуждение лица к самоизобличению, другими составляющими этой комплексной правовой конструкции, как принцип уголовного судопроизводства [12, с. 8–9; 13, с. 34–35; 14, с. 15–20; 15, с. 324–327].

В пользу такой позиции можно привести ряд аргументов.

В российском законодательстве свобода от самоизобличения закреплена в статье 51 Конституции России. Конституционно-правовая формула воспроизводится в положениях пункта 2 части 4 статьи 46, пункта 3 части 4 статьи 47, пункта 1 части 4 статьи 56 УПК РФ. Таким образом, данное правовое положение имеет позитивно-правовую форму закрепления.

В Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств – участников СНГ (Рекомендательный международный акт от 17 февраля 1996 г.)¹ свобода от самоизобличения закреплена в виде принципа уголовного процесса. В статье 25-ой указанного кодекса содержится следующее определение этого принципа: «1. Никто не обязан свидетельствовать против себя самого и своих близких родственников. 2. Лицо, которому орган уголовного преследования предлагает сообщить или предоставить сведения, изобличающие его или его близких родственников в совершении преступления, вправе отказать от дачи показаний и не может быть подвергнуто за это какому бы то ни было взысканию или наказанию».

Свобода от самоизобличения является международно-правовым стандартом и содержится в законодательстве большинства государств с развитыми уголовно-процессуальными порядками [16, с. 345–348].

Учеными отмечается неразрывная связь свободы лица от самоизобличения со многими принципами уголовного судопроизводства России. Так, указывается на связь свободы от самоизобличения с презумпцией невиновности [17, с. 88–100], равенства прав сторон, состязательностью [18, с. 58; 19, с. 23], обеспечением права обвиняемого на защиту [20, с. 57; 21, с. 47-48; 22, с. 87; 23, с. 98, 112]. При этом создается впечатление, что данное положение является не столько самостоятельным принципом, а совокупным эффектом нескольких уголовно-процессуальных принципов, их составляющей.

Можно согласиться с выводами С.И. Салимова о том, что через обеспечение защиты от самоизобличения происходит формирование основания для правоприменения в упрощенной уголовно-процессуальной форме; соблюдение свободы от самоизобличения составляет определяющее условие производств, в основе которых лежит согласие обвиняемого (подозреваемого) с обвинением (подозрением) [24, с. 35–38].

Ввиду вышесказанного склоняемся к тому, что свобода от самоизобличения является не столько самостоятельным уголовно-процессуальным принципом обычного уголовного судопроизводства, сколько принципом договорных уголовно-процессуальных производств, входящим в договорное уголовно-процессуальное право.

В подтверждение данного тезиса можно привести несколько доводов.

Главный довод состоит в наличии уже упомянутой выше неразрывной связи свободы от самоизобличения со свободой вступления лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в договорные отношения с органом, ведущим уголовное дело. Обеспечение свободы от самоизобличения гарантирует добровольность сделки, которая в ином случае должна быть признана ничтожной. При всей относительности, условности свободы и добровольности применительно к положению уголовно-преследуемого лица, эти атрибуты его договороспособности сохраняются, поскольку у него есть выбор между общим порядком и особым порядком привлечения к уголовной ответственности.

В качестве второго довода можно указать на то, что свобода от самоизобличения составляет единство с принципом диспозитивности, как разные грани общей свободы лица на выбор своей позиции по делу, на использование своего права на защиту от обвинения или отказа от такового, на дачу согласия на применение особого порядка реализации уголовной ответственности или отказа дать такое согласие. Свобода от самоизобличения связана с принципом обвинительности в том, что соглашение свободно заключается обвиняемым, его защитником со стороны обвинения, а не судом, который обязан только подтвердить добровольность данного соглашения и выполнение им условий соглашения. Свобода от самоизобличения связана с принципом целесообразности, так как обвиняемый, но также и сторона обвинения идут на соглашения, когда это целесообразно для каждой из сторон в плане достижения их целей в процессе. И наконец, свобода от самоизобличения гармонизирует с формальной истиной, которую можно трактовать как договорную, формальную истину, но никак не объективную в классическом ее понимании.

¹ URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914840> (дата обращения: 28.05.2023).

Третий довод в том, что обеспечение свободы от самоизобличения – это главная процессуальная гарантия не только интересов самоизобличающего себя обвиняемого, но и законности любого из договорных уголовно-процессуальных производств.

При возникновении сомнений в этом в суде сразу ставится вопрос о прекращении соответствующего особого производства² и возвращении уголовного дела прокурору³ или даже о прекращении уголовного дела или вынесении оправдательного приговора.

Как верно отмечается в уголовно-процессуальной литературе, защита от принудительного самоизобличения является условием для правомерного формирования согласительных нереабилитирующих оснований прекращения уголовных дел, предусмотренных ст. 25, ст. 25¹, п. 3 ч. 1 ст. 27, ст. 28, 28.1, 427 УПК РФ.

Далее можно сказать, основываясь на судебно-следственной практике, что состоялся правовой стандарт: «отсутствие оснований полагать о наличии самоговора подсудимого», в соответствии с которым суд положительно решает вопрос о возможности рассмотрения и разрешения уголовного дела в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ⁴, или при производстве досудебного производства в форме сокращенного дознания⁵.

Изучение практики показывает небольшое число отмен обвинительных приговоров судов по причине самоговора обвиняемого, сделанного в рамках той или иной из договорных процедур, которое выясняется к моменту принятия судом решения по делу. Такие случаи носят единичный характер, хотя каждый раз это, конечно, наносит удар по престижу правосудия⁶.

Судебная практика вполне подтверждает то, что свобода от самоизобличения и сопутствующий ей запрет на принуждение к нему принижает все особые производства договорной природы, о которых здесь идет речь. Это указывает на принципиальный уровень правового предписания относительно обеспечения свободы от самоизобличения в анализируемых нами уголовно-процессуальных производствах договорного характера.

Таким образом, мы включаем в систему принципов договорных уголовно-процессуальных производств диспозитивность, обвинительность, целесообразность, свободу от самоизобличения, формальную истину.

В заключение надо сказать о том, что концепция о договорном уголовно-процессуальном праве в целом, как и ее отдельных элементах, в том числе принципах, входящих в него, находится в стадии становления. Поэтому сказанное выше может считаться только предварительным наброском этой концепции. Возможно, в дальнейшем уточним нашу точку зрения относительно принципиальной составляющей этой концепции, включая свободу от самоизобличения, которая стала предметом настоящей статьи.

² См.: апелляционное постановление Тюменского областного суда № 22-893/2020 от 21 мая 2020 г. URL: sudact.ru/regular/doc/xowVTMmJEeJ8/ (дата обращения: 28.05.2023).

³ См.: апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22–2021/2021 от 20 октября 2021 г. по делу № 1-99/2021. URL: sudact.ru/regular/doc/ley7A7mKh1Zx/; постановление Шарыповского районного суда № 1-74/2021 от 27 июля 2021 г. по делу № 1-74/2021 (Красноярский край). URL: sudact.ru/regular/doc/QH2E6eN7zUrA/; постановление Шимановского районного суда № 1-55/2021 от 10 марта 2021 г. по делу № 1-55/2021 (Амурская область). URL: sudact.ru/regular/doc/nhmlufSI7lZh/ (дата обращения: 28.05.2023).

⁴ Такая формулировка стала стандартной в описательно-мотивировочной части приговоров, выносимы в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

См., напр.: обвинительный приговор Железнодорожного районного суда г. Читы № 1-295/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 1-295/2020 (Забайкальский край). URL: sudact.ru/regular/doc/EtchtJMmJPVc/; обвинительный приговор Вязниковского городского суда № 1-153/2020 от 22 июля 2020 г. по делу № 1-153/2020 (Владимирская область). URL: sudact.ru/regular/doc/NkCBmBnQKBNM/ (дата обращения: 28.05.2023).

⁵ См.: обвинительный приговор Надеждинского районного суда № 1-228/2019 1-39/2020 от 6 февраля 2020 г. по делу № 1-228/2019 (Приморский край). URL: sudact.ru/regular/doc/Hhim3wDADT1P/; обвинительный приговор Белорецкого городского суда № 1-721/2019 от 13 декабря 2019 г. по делу № 1-721/2019 (Республика Башкортостан). URL: sudact.ru/regular/doc/Zwl0hO7SRNJC/ (дата обращения: 28.05.2023).

⁶ См.: определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) № 33-2976/12 от 27 августа 2012 г. по делу № 33-2976/12 (Республика Саха (Якутия)). URL: sudact.ru/regular/doc/Rk1LzzchtgxW/; апелляционное постановление Волгоградского областного суда № 22-3253/2020 от 3 сентября 2020 г. URL: sudact.ru/regular/doc/KHVfHCAyazZr/; апелляционное определение Хабаровского краевого суда № 22-1386/2014 от 8 мая 2014 г. по делу № 22-1386/2014. URL: sudact.ru/regular/doc/Kf7OYNiKScZC/ (дата обращения: 28.05.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. Москва: Юрлитинформ, 2012. 456 с.
2. Александров А.С., Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 216 с.
3. Александров А.С., Зайцев О.А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД «Юриспруденция», 2021. С. 236–245.
4. Саркисян Т.Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 201 с.
5. Шерстнев В.Б. Уголовно-процессуальный механизм досудебного урегулирования простых уголовно-правовых споров: современное состояние и направление совершенствования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 207–210.
6. Левченко О.В. Согласительно-компенсаторный способ разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности // Международное уголовное право и уголовная юстиция. 2021. № 6. С. 6–9.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. 4-е изд. Москва: Статут, 2020. 845 с.
8. Колесник В.В. Комплекс договорных уголовно-процессуальных форм окончания уголовного дела // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия экономика и право. 2023 Том 33 № 1. С. 141–147.
9. Колесник В.В. Концепция договорных уголовно-процессуальных производств // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 42–48.
10. Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5. С. 162–175.
11. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. 209 с.
12. Быков В.М. Принципы уголовного процесса по Конституции РФ 1993 года // Российская юстиция. 1994. № 8. С. 8–9.
13. Гаспарян Н. Праву не свидетельствовать против себя нужны дополнительные гарантии // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 34–35.
14. Вилкова Т.Ю. Привилегия против самоизобличения (*nemo tenetur se ipsum accusare*) в системе принципов уголовного судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 15–20.
15. Салимов С.И. Обеспечение защиты от самоизобличения в системе принципов уголовного судопроизводства Российской Федерации // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 декабря 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 324–327.
16. Салимов С.И. Процедура защиты от самоизобличения в международном уголовном процессе // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 345–348.
17. Ефимичев П.С. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве // Публичное и частное право. 2012. № 1 (XIII). С. 88–100.
18. Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и дополн. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. 160 с.
19. Панько Н.К. Деятельность адвоката-защитника по обеспечению состязательности. Воронеж, 2000. 145 с.
20. Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999. 171 с.
21. Трунов И.Л. Защита прав личности в уголовном процессе. М.: Юриспруденция, 2005. 304 с.
22. Соловьев С.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) / под ред. Л.Н. Масленниковой: монография. М.: Норма, 2021. 296 с.
23. Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2014. 232 с.
24. Салимов С.И. Свобода от самоизобличения как основа уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68). С. 35–38.

Поступила в редакцию 17.05.2023

Колесник Вероника Вячеславовна, научный сотрудник кафедры уголовного процесса и криминалистики
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Генкеля, 3 (корп. 9)
E-mail: nikkipohta@mail.ru

V.V. Kolesnik

FREEDOM OF PERSONS FROM SELF-DISCLOSURE AS A PRINCIPLE OF CONTRACTUAL CRIMINAL PROCEDURE LAW

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-4-680-685

The article is devoted to the problem of clarifying the fundamental basis of a new sub-branch of Russian criminal procedure law – contractual criminal procedure law. Its goals are, firstly, to justify the inclusion in the system of principles of contractual criminal proceedings to ensure freedom from self-incrimination, and secondly, to determine the content of this principle in relation to the principles of a contractual series: optionality, expediency, and others. The main methods of legal knowledge were used, including deduction, induction, analysis. In addition, analogy, comparative analysis, and reception were used as special methods of cognition. As a result of the study, the author's concept of contractual criminal procedure law in its fundamental component was developed. It was also established the fundamental importance of ensuring the freedom of a person from self-disclosure in all criminal procedural proceedings of a contractual nature. The author of the article sets out the interpretation of freedom from self-incrimination in relation to each of the three types of contractual criminal procedural proceedings. It is proposed to strengthen the procedural guarantees of the rights of an individual who enters into an agreement with a criminal body in the context of the principle of freedom from self-incrimination. The results obtained by the author of the article can be used in the development of the concept of contractual criminal procedure law, as well as in the improvement and unification of the legislation governing contractual criminal procedure proceedings.

Keywords: contractual criminal procedure law, freedom from self-incrimination, principles, contract, accusation, proof, legal relationship.

Received 17.05.2023

Kolesnik V.V., Candidate of Law, Researcher of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
Perm State University
Genkelya st., 3/9, Perm, Russia, 614068
E-mail: nikkipohta@mail.ru